

ДЕЛО О ДОНОСЕ В. Н. ТАТИЩЕВА 1738 г.*

Евгений Анисимов

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал),
Санкт-Петербург, Россия

THE CASE OF V. N. TATISHCHEV'S DENUNCIATION, 1738

Evgeny Anisimov

Research University Higher School of Economics
(St Petersburg Branch),
St Petersburg, Russia

V. N. Tatishchev's denunciation of Colonel S. D. Davydov and related documents date back to the autumn of 1738 – summer of 1739 and shed light on previously unknown details in the life of this distinguished administrator and scholar in the reign of Empress Anna Ioannovna (1730–1740). The originals of these previously unpublished documents survive (except for one, which is a copy made by a scribe) and are kept in the Russian State Archive of Ancient Acts (Fund 7. Preobrazhenskii Prikaz, Secret Office and Secret Expedition, collection of the State Archive of the Russian Empire). The information reflected in the documents allows the author not only to clarify the circumstances of Tatishchev's life during the Orenburg expedition (1737–1739) which he led and the motives behind his actions, but also provide a detailed description of the system of political intelligence in the 1730s and the horror experienced even by high-ranking officials when confronted by this intelligence service. All this makes the materials published a valuable source for attaining a deeper understanding of Tatishchev's personality and times.

Keywords: denunciation; V. N. Tatishchev, S. D. Davydov, A. S. Tsvetkov; Secret Chancellery; political intelligence.

* *Citation:* Anisimov, E. (2019). The Case of V. N. Tatishchev's Denunciation, 1738. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1, p. 315–334. DOI 10.15826/qr.2019.1.378.

Цитирование: Anisimov E. The Case of V. N. Tatishchev's Denunciation, 1738 // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 1. P. 315–334. DOI 10.15826/qr.2019.1.378 / Анисимов Е. Дело о доносе В. Н. Татищева 1738 г. // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 315–334. DOI 10.15826/qr.2019.1.378.

Донос В. Н. Татищева на полковника С. Д. Давыдова и связанные с ним документы относятся к осени 1738 – лету 1739 г. и освещают не известные ранее подробности жизни Татищева – выдающегося администратора и ученого времени правления императрицы Анны Иоанновны (1730–1740). Эти документы дошли до нас в подлинниках (за исключением одного, известного в писарской копии) и хранятся в РГАДА (Ф. 7. Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция – коллекция Государственного архива Российской империи). Информация, отразившаяся в публикуемых документах, позволяет прояснить обстоятельства жизни В. Н. Татищева во время руководства им Оренбургской экспедицией (1737–1739), понять мотивы его поступков и детально проследить действие системы политического сыска в 1730-х гг., а также увидеть эмоции, которые владели людьми, оказавшимися в поле действия ее страшной машины. Все это делает публикуемые материалы ценным историческим источником для более углубленного понимания личности В. Н. Татищева и его эпохи.

Ключевые слова: донос; В. Н. Татищев; С. Д. Давыдов; А. С. Тевкелев; А. И. Ушаков; Тайная канцелярия; политический сыск.

Василий Никитич Татищев (1686–1750), хорошо известный в нашей истории как незаурядный администратор, основатель городов, ученый и публицист, проявивший себя в самых разных областях знаний, автор бесчисленных полезных для страны проектов, а главное (за что ему и до сих пор благодарны потомки) – выдающийся историк, признанный отцом отечественной историографии [Библиографическая справка]. Время первой половины XVIII в. распалось для него на два не схожих друг с другом цикла. Если первые 25 лет в жизни Татищева тесно связаны с именем Петра Великого, чьим деятельным сподвижником Василий Никитич по праву считается, то вторая четверть XVIII в. после смерти императора оказалась сложной для многих соратников Петра. В условиях характерной для этого времени политической нестабильности, стремительной смены персон на троне и возле него мало кто из когорты «птенцов гнезда Петрова» удержался «в седле» на крутых поворотах истории [Петрухинцев, с. 140–166].

1730-е гг., время правления императрицы Анны Иоанновны, стали для Василия Никитича, пожалуй, самыми тревожными. В январе-феврале 1730 г., когда при воцарении Анны Иоанновны шли жаростные споры о политическом устройстве России, Татищев оказался одним из активных сторонников самодержавия и после победы Анны Иоанновны удостоился чести вести процедуру ее коронации в роли обер-церемониймейстера, был повышен в чине, стал руководителем Монетной канцелярии, но затем оказался подследственным по делу о махинациях с серебряной монетой (дело И. В. Корыхалова, с которым было связано и вполне обоснованное обвинение Татищева в получении «презента» – взятки в крупном размере). Он был отстранен от должности весной 1733 г., по ходу следствия его положение стано-

вилось порой критическим, и, как писал его биограф А. И. Юхт, «над ним нависла угроза лишения чинов, ссылки, а может быть, и более суровой кары» [Юхт, с. 293–295]. Следствие тянулось два года, а в 1734 г. Татищева послали ведать уральскими казенными заводами, что стало для него формой ссылки.

Традиционно считается, что главным недоброжелателем Татищева был фаворит Анны Иоанновны Э. И. Бирон, который не просто вывел Татищева из круга сановников, но явно относился к нему с недоверием и подозрительностью, несмотря на то, что административные таланты Василия Никитича были общепризнанными. Из письма начальника Монетной канцелярии М. Г. Головкина (давнего недоброжелателя В. Н. Татищева) Бирону от 11 марта 1739 г. вытекает, что временщик, ранее поручив Головкину «наведываться, какие его, Василья Татищева, неисправы» [Попов, с. 202], уже давно искал случая окончательно расправиться с последним, что было непросто. Деятельность Татищева на Урале была успешной для казны, с его именем связаны открытие и освоение рудных запасов горы Благодать, строительство новых заводов. Когда Татищева в 1737 г. перебросили руководить Оренбургской экспедицией – работа, происходившая в условиях кровопролитного Башкирского восстания (1735–1739), – он вполне успешно распоряжался делами экспедиции. Все доносы на него в основном касались «упущений» по службе, а не его политических взглядов или высказываний. В отличие от многих своих современников, он вел себя осмотрительно и осторожно, разговоров на опасные политические темы не допускал и в застольные рассуждения о личной жизни и нраве государыни и ее фаворита не пускался. Когда в конце 1734 г. на Урале началось дело о «непристойных словах» Егора Столетова касательно государыни и Бирона, Татищев так горячо взялся за него, что анонимный автор статьи о деле Столетова в «Русской старине» не без основания писал, что Татищев «отнесся к делу Столетова совершенно с бироновской точки зрения и взял на себя гнусную роль инквизитора, чуть не заплочного мастера» [Егор Столетов, с. 7]. За это из Петербурга он получил не похвалу, а нагоняй, ибо влез в дело, которое в силу своей особой важности подлежало ведению исключительно Тайной канцелярии, а не начальника уральских заводов.

Да и в других обстоятельствах он проявлял особое служебное рвение. Известно, что Татищев выступал в роли жестокого карателя Башкирского восстания, был устроителем публичных казней, по его указу были сожжены заживо двое отступников от православия (в том числе женщина). Он же подал проект о «кардинальном» решении «башкирского вопроса» посредством поголовной высылки башкирской молодежи на войну с турками, заведомо обрекавшей ее на гибель [Каменский, с. 183]. Склонен он был и к доноситељству, о чем свидетельствуют приводимые ниже документы. Естественно, оценивая эти и другие поступки Татищева, необходимо исходить из понимания особенностей мышления, поведения и этики людей того времени.

Тут и типично европоцентристский взгляд на восточные народы как на «дикарей», убеждение, что только жестоким применением силы можно их «укротить». Тут и весь сложный комплекс представлений о роли политического сыска и доносов в жизни людей аннинской эпохи. При этом положение Татищева, несмотря на его служебные успехи и рвение, оставалось весьма шатким. Он испытывал постоянный страх, не зная, какой новый указ придет из столицы и что будет с ним завтра. Татищев не имел в Петербурге высокопоставленного покровителя, что при существовании разветвленной системы патроната и клиентелы для чиновника было очень важно. И, хотя он состоял в переписке с влиятельным в системе управления А. И. Остерманом («милостивым патроном»), надежды на этого известного своим эгоизмом и лицемерием сановника у Татищева было мало. Если Остерман как опытный политик ценил Татищева-администратора, то вставать на его защиту он никогда не намеревался.

К концу 1730-х гг. тучи над Татищевым постепенно сгущались, и за ним уже тянулся целый шлейф компромата. Как активный и самостоятельный чиновник, человек резкий, Татищев не мог не делать ошибок, не избежал он и соблазна поправить свое благосостояние за счет просителей. Неудивительно, что число его врагов и недоброжелателей постоянно росло, многие из них писали доносы и жалобы на Татищева. В упомянутом выше письме Бирону М. Г. Головкин писал, что ему удалось вытянуть первую ниточку из клубка дел Татищева: «...разведал, что полковник Тевкелев вашей светлости о том доносил; для того я призвал его, полковника, и обо всем обстоятельно выспросил», и это позволяет лишить Татищева должности и начать расследование о «непорядках, нападках и взятках Василья Татищева» [Попов, с. 7]. А. И. Тевкелев был ближайшим подчиненным Татищева в Оренбургской экспедиции и исполнителем его приказов (в том числе и по публикуемому ниже делу). Все вышесказанное было тем весьма неблагоприятным для начальника Оренбургской экспедиции фоном, на котором и развернулось дело о доносе Татищева, сохранившееся в материалах Тайной канцелярии и отложившееся в РГАДА (Ф. 7).

Начало дела было положено приездом в начале октября 1738 г. в Самару, где тогда находился Татищев, полковника С. Д. Давыдова с указом-поручением касательно переписи русских беглых крестьян, поселившихся на башкирских землях. На обеде, устроенном столичному гостю Татищевым 9 октября, шел общий разговор о петербургских новостях, а после застолья гость с хозяином перешли в кабинет последнего, где, вероятно, закупив трубки, продолжили беседу. После того, как за Давыдовым закрылась дверь кабинета, Татищев впал в панику. И было отчего...

Давыдов наговорил такого, что сказанное им «тянуло» на весомое государственное преступление. На следующий день, 10 октября, Татищев написал письмо начальнику Тайной канцелярии А. И. Ушакову

(док. 1), приложил к нему в отдельном конверте доношение императрице Анне Иоанновне (док. 2), а также собственно донос (док. 3) и отправил все это со срочным курьером в Петербург. Там послание Татищева получили 20 октября, императрица вскрыла пакет через два дня и приказала начать расследование. 26 октября Ушаков написал Татищеву, чтобы тот прислал Давыдова в Тайную канцелярию [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 611. Л. 241]. Но Давыдов уже давно под конвоем ехал в столицу: 13 октября Татищев предписал полковнику А. И. Тевкелеву выехать следом за уже отправившимся по своему переписному делу Давыдовым, арестовать его и затем передать для конвоирования прапорщику Тарбееву, который получил от Татищева сопроводительное письмо в Тайную канцелярию (док. 4) и наказ (док. 5). Тарбеев получил от Татищева также сопроводительное письмо на имя С. А. Салтыкова, главнокомандующего Москвы, через которую пролегал путь Тарбеева с арестантом. 16 октября Тевкелев рапортовал Татищеву об исполнении его задания (док. 6). Тарбеев с арестантом прибыл в Петербург 18 ноября. Татищев был вызван (или явился сам) в столицу весной 1739 г., 27 мая он был отстранен от должности начальника Оренбургской экспедиции и взят под домашний арест [Петрухинцев, с. 586]. Начались допросы по многим заведенным на него делам. 25 июля он был допрошен в Тайной канцелярии по сути своего доноса на Давыдова (док. 7). Затем 23 августа 1739 г. Татищеву и Давыдову устроили очную ставку (док. 8). После этого по материалам допросов А. И. Остерман и А. И. Ушаков составили доношение Анне Иоанновне по делу о доносе Татищева (док. 9) с предложением по поводу возможного наказания Давыдова. Вопрос же о судьбе Татищева остался открытым – его ждали новые допросы по многочисленным эпизодам, относящимся к деятельности Василия Никитича на Урале и в Оренбургской комиссии [Попов, с. 204–207]. В этом смысле донос на Давыдова Татищеву не помог и, если бы Бирон после смерти Анны Иоанновны в октябре 1740 г. удержался у власти, Татищев, вполне вероятно, был бы возведен на эшафот: к осени 1740 г. уже был составлен проект указа о лишении его всех чинов и званий – верное свидетельство приближавшейся расправы.

* * *

Тексты документов публикуются в соответствии с правилами критической передачи текста XVII–XVIII вв. [Правила издания исторических документов в СССР]. Все тексты написаны несколькими писарскими подчерками, за исключением подписей В. Н. Татищева, С. Д. Давыдова и А. И. Тевкелева. Сокращения (в подписях В. Н. Татищева и датах) раскрыты. Выносные буквы внесены в строку, к выносным согласным по необходимости добавлен мягкий знак, буквы алфавита XVIII в. заменены современными, орфография текстов

сохранена, пунктуация же приближена к современной. Текстуальные примечания даны литерами и помещены в подстрочнике. Комментарии по содержанию даны арабскими цифрами и помещены после публикации в порядке сплошной валовой нумерации. Допрос Татищева в Тайной канцелярии (док. № 7) записан, согласно принятому в то время протоколу, в две колонки (левая – вопросы следователя, правая – ответы подследственного). Но для экономии места (из-за того, что ответы по объему во много раз превосходят объем текста вопросов, и слева остается много не заполненного текстом места) текст допроса публикуется мною обычным порядком: вначале вопрос, затем ответ.

№ 1. 1738 г., ноября 3

**Письмо В. Н. Татищева
начальнику Тайной канцелярии А. И. Ушакову, 10 октября
1738 г.**

(Л. 1) // Превосходительный господин генерал и ковалер, милостивый государь мой! Сим покорно Вашему превосходительству доношу. Здесь один полковник произнес непристойные к персоне Ея императорского величества поносные слова, но понеже я о том не знаю, в Тайную ль розыскных дел канцелярию или по присланному от Ея императорского величества указу к самой Ея императорского величества донести, того ради тот пакет с доношением и обстоятельную слов тех запискою при сем посылаю, полагая на разсуждение Вашего превосходительства: сами ль изволите ль распечатать и доложить или, не распечатав, подать.

Вашего превосходительства милостивого государя моего покорнейший слуга

В[асилий] Татищев.

Самара, в 10 де[нь] октября 1738
[РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 611. Л. 1].

Подлинник

№ 2. 1738 г., октября 10

**Доношение В. Н. Татищева
императрице Анне Иоанновне**

(Л. 5) // Всепресветлейшая, всемилостивейшая государыня императрица и самодержица Всероссийская!

Вашему императорскому величеству всеподданейше дерзаю донести: сего октября 9-го дня прибывшей сюда для переписи дере-

вень от Сената полковник Семен Давыдов, будучи у меня в доме, говорил разные непристойные слова о персоне Вашего императорского величества и других, до вышнего правления касающихся в разных обстоятельствах, которые точно, сколько в великой горести и болезни упомнить мог, написав при сем, всеподданейше послал, и хотя могу разуметь, что он о разорении Малой России с самой злости разглашает, понеже того ж дня, будучи у полковника Змеева, тож говорил, однако ж я, зная его человека довольнаго коварства, опасясь арестовать и здесь удержать и к Вашему императорскому величеству послать, дабы он, узнав, что за те слова взят, не надумался к выкрутке, и для того, не дав ему никакого вида, немедленно к определенному делу, где ему таких слов расположить не с кем, отправил, а дни три спустя, пошлю офицера и велю его, взяв якобы по присланному от Вашего величества указу, вести в Питерсбург под крепким караулом, как указы Вашего величества повелевают, а в комисию оную чтоб от Сената прислать инаго штаб-офицера я донести до указа Вашего (Л. 5 об.) // императорского величества не смел.

Вашего императорского величества всемилостивейшей государыни всенижайший раб

В[асилий] Татищев.

Сама́ра, в 10 де[нь] октября 1738.

[РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 611. Л. 5–5 об.].

Подлинник

№ 3. 1738 г., октября 10

Донос В. Н. Татищева на полковника С. Д. Давыдова

(Л. 6) // Сего октября 9-го дня 1738 года присланной от Правительствующаго Сената для переписи в землях, пожалованных кресченым калмыкам, населившимся крестьян, полковник Семен Дмитриев сын Давыдов, будучи в доме у тайного советника Татисчева, говорил непристойное:

1. За обедом, где было персон 10-ть, тайный советник сказал: «Слава Богу, что я со всех моих деревень лошадей запластил, да я боялся, что донковскую деревню забыл, однакож осмотрелся, что с них брать не велено»; на то он, Давыдов, сказал: «Нечего-де бояться, и платежем спешить, есче из третьей год в Москве не выбраны».

2. Говорил: «Ныне-де указом 1736 августа 1-го великое раззорение зделалось, что денег ни по дватцати на сто занять нельзя», на что ему Татисчев сказал: «Сей указ, я мню, зделан в пол[ь]зу, понеже я, чрез долгое время о таких коварствах искусяся и разсуждая с людьми, советную написал в 1732-м году, представил, а при том есче представлял о коварствах и непорядках в письме крепостей и о сумнительствах

в продаже из конфискованных деревень»¹, но он паки говорил, что и подушные заклады никто не даст для того, что их велено по сроке из казны продавать и так-де ныне пришло многим разоряться.

3. После обеда, как уже все разошлись, а осталось мало людей, из которых памятных подполковник Останков да поручик Белосельской, начал он говорить: «Полки-де из Украйны, чаю, надобно вывести, да куда не знаю, во всей Мало Росии, почитай, ничего не сеяно, для того граф Миних взял в поход 64 000 волов, и обирали всех, у кого что нашлось, а людей всех в погонщики забрали, и остались только бабы и рабята, которые только около дворов пахали на коровах и телятах дву-летних»², и хотя к тем ево словам никто не приставал, но он того ж дня в вечеру, будучи у полковника Змеева³, говорил, как оной полковник, нарочно приехав, сам тайному советнику сказывал.

4. В домех тайного советника он, полковник Давыдов, в тож время, после обеда, при Останкове и Белосельском (*Л. 6 об.*) // разсуждал о положенном на нем деле, и как Татисчев ему говорил, что дело малое и даст ему для помосчи офицеров хотя трех, то он, Давыдов, сказал: «Ты-де говоришь, что мало, да в Сенате поставлено и донесено государыне велико и страх немалой», а потом сказал: «Знаете вы, для чего я сюда послан?» и молвил Татисчеву: «Пойдем-де в другую избу, я вам скажу» и потом кликнул за собою Белосельского, где, затворя двери, сказывал, что занял у него денег 6 000 рублей, заложив два села, и умер, «то-де я записал, но сестра его поехала в Петербург бить челом, но как-де ей тамо надобно самая государыня просить, а ее видеть вскоре не добьется, то-де умыслили меня отослать».

5. Потом тотчас он сказал: «Знаете ль вы, от чего государыня в Петербург уехала?», то Белосельской тотчас вон вышел, и остались сам вдруг, то он сказывал: «Помнишь ли ты, как во дворце ночью от трубы загорелось, то-де солдаты отнимали, и, погася, идучи мимо дворца, двое говорили: “Ех, жаль, что нам тот, которой надобен, не попался, а то буде его ухостили”, и он-де, Бирон, тогда стоял у окна за государыней, и, услыша оное, тотчас обеих солдат взяв, заслали в Сибирь, а потом, как стали караульных на смену посылать, то идти не хотели, и для того ж тотчас она уехала в Анненгоф и так-де она настрочена, что непрестанно бунтов боится». На то Татисчев ево спросил: «Кто ж был такой безсовестный был, чтоб Ее величество страсчал?», то он сказал: «Ветъ знаешь, кто не хочет в Москву, токмо в Петербурге жить, и ему-де даром, что государство разорается»⁴.

6. Татисчев, ведая его человека великаго коварства, хотя, чтоб такие злостные враки пресечь, сел и взял перо, будто писать хотел, то и он, Давыдов, сел и говорил: «Чего-де добра уповать, что государыни мало видят – весь день с герцогом, он встанет рано, пойдет в манежию, и поставят караулы и, как государыня встанет, то уйдет к ней, и долго не дождутся, и так-де дела волочатся, а в Сенат редко, когда троем приедут»⁵.

7. Он же, Давыдов, не перерывая той речи, сказывал: «Приехала одна знатная полковница в Петербург (*Л. 7*) // бить челом о за-служеном мужа ее жалованье, котораго было с 400 рублей и, видя,

что нигде определения сыскать не может, намерялась просить самое государыни в надежде той, что ее давно знает, и долго исча случая, уллучила видеть, и как ее государыня спросила, давно ль она приехала, то она доносила свою нужду и просила с челобитною о решении, то-де государыня, сказав ей: |”Ведаешь, что мне бить челом вам запресчено?”|, тотчас велела ее вывести на площадь и, высекши плетями, денег выдать, и как ее высекли, то, посадя в карету, хотел вести к рентрее, чтоб деньги выдать, но она, бояся, что есче тамо не высекли, оставя денги, уехала домой»⁶.

В[асилий] Татищев.

[РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 611. Л. 6–7].

Подлинник

№ 4. 1738 г., октября 13

Доношение В. Н. Татищева в Тайную канцелярию

(Л. 11) // В Канцеляриу тайных розыскных дел от тайного советника Татисчева.

Доношение.

Сего октября 9-го числа явился здесь присланной от Правительствующего Сената для следствия о землях, пожалованных кресченым калмыкам, на которых населены разные деревни, полковник Семен Дмитриев сын Давыдов в поносительных непристойных о персоне Ее императорского величества словах, которой под крепким караулом с прапорщиком Тарбеевым послан при сем, а о словах тех точно от меня 10 числа к Ея императорскому величеству всеподданейше донесено.

В[асилий] Татищев.

Самара, в 13 де[нь] октября 1738.

[РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 611. Л. 11].

Подлинник

№ 5. 1738, октября 13

Наказ В. Н. Татищева прапорщику Тарбееву

(Л. 243) // Секретно.

Наказ. Прапорсчику Тарбееву.

Получа сие, взяв тебе здесь 3 человека салдат и подорожную на 6 лошадей с прогонами, ехать в деревню Царевщину⁷ немедленно и учинить следующее:

1. Принять тебе от полковника Тевкелева полковника же Семена Дмитриева сына Давыдова и при том письма и пропитания онаго ж полковника Давыдова ден[ь]ги з запискою, ехать в Санкт-Петербург со всяким поспешением.

2. Будучи в пути с оным полковником, со всякою осторожностью поступать, чтоб о его имени и о самом отнюдь никто не ведал, и при нем бы яко ножа, топора или какого другаго остроя, чем себя повредить, не было, и ничим бы себя умертвить не мог, для котораго ему рыбы и мяса с костми мяса есть не давать.

3. При вставанье на квартиры, где случится, всегда выбирать особой покой, чтоб его никто видеть не мог, и как тебе и будущим с тобою, кроме самой нужды, с ним, полковником, не говорить, посторонних же никого говорить ни с чем отнюдь не допускать.

(Л. 243 об.) // 4. Как прибудешь в Москву, то стать тебе на краю слободы, а самому ехать в город и посланной с тобою пакет к его сиятельству графу Семену Андреевичу Салтыкову⁸ подать, требовать себе прогонов и немедленного в Санкт-Петербург отправления.

5. По прибытии же в Петербург, тако остановясь в Ямской слободе, явиться его превосходительству генералу господину Ушакову, а в небытность его превосходительства в Тайную канцелярию и посланной с тобою пакет подать, а потом, как онаго полковника примут, то его письма и достальные денги в ту ж канцелярию объявить и требовать себе с солдаты возвратно отпуска.

В[асилий] Татищев.

Самара, в 13 де[нь] октября 1738.

В конце первой страницы наказа помета: Объявлена от онаго Тарбеева 19 декабря 1738-го в Самаре

[РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 611. Л. 243–243 об.].

Подлинник

№ 6. 1738 г., октября 15

Доношение полковника А. И. Тевкелева⁹ В. Н. Татищеву

(Л. 246) // Доношение.

По данным мне от Вашего превосходительства ордеру сего числа по полудни во 2-м часу полковника Давыдова изъехал я в деревне Царевщине и, постановя кругом двора и у дверей в квартире ево караул, вшед к нему в ызбу, выслав всех, арест ему объявил, и сперва он не противился, потом, немного погодя, говорил, чтоб я объявил ему подлинной указ, по которому арестовывать ево велено, но я ему повторне объявил, что указа показать ему не должно, но он, противясь, есче, закричал: «Люди!» и «Караул!», на что я ему объявил, что того чинить весьма непристойно, представляя при том указы Ея императорского величества¹⁰, и по оному уже едва шпагу из рук

своих отдал, письма ево, сколько нашлось, все осматривал, и партикуляные, собрав, особо запечатав, и деньги под росписку, отдал прапорщику Тарбееву, другие же, (*Л. 246 об.*) // касающиеся до ево комиссии, отданы бывшим при нем подъячим, по ордеру же Вашего превосходительства велено по отъезде ево того ж часу в путь выслать, но за неимением к переправе порому чрез реку Волгу на несколько часов принужден удержать, пока пором зделают, которой здешним мужикам тотчас делать приказал и для понуждения людей своих послал, а по зделании, отправя при себе за реку, возвращюся, бывших при нем солдат, падъячих и людей ево, дав пашпорты, с богаем, не умедля, вышлю.

По осмотру же моему в имеющемся при нем подголовнике, между другим, найдено в бумашке мышьяку злотника з два, которой взял с собою¹¹.

О сем покорно доносит Андрей Тевкелев.

Деревня Царевщина, в 15 де[нь] октября 1738 года.

[РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 611. Л. 246–246 об.].

Подлинник

№ 7. 1739 г., июля 25

Допрос В. Н. Татищева А. И. Ушаковым

(*Л. 63*) // Пункты к ответственю против оных тайному советнику господину Татищеву.

1739-го, июля 25-й дня, в присутствии господина генерала и кавалера Ушакова господин тайный советник Василей Татищев на вышеозначенные пункты ответствовал:

1. Данная полковнику Семену Давыдову инструкция и отданная ему от вас, тайного советника, о свидетельстве деревень ведомость, ныне где имеетца?

На 1-й. Данная полковнику Семену Давыдову из Сената инструкция и отданная оному Давыдову от него, Татищева, ведомость посланным для взятъя оного Давыдова от него, Татищева, полковником Тевкелевым взяты ль и ныне где имеютца, того Татищев не упомнит.

2. Как оной Давыдов говорил вам, тайному советнику, показанные от вас непристойные слова, то чего ради тогда ж других вы не призвали и о том не заявили и в то время оного Давыдова для чего подлинно не заарестовали?

На 2-й. Как оной Давыдов говорил ему, Татищеву, показанные от него непристойные слова, то тогда ж никого к себе не призвал и при оном Давыдове об оном на него не заявил, что услышал от оного Давыдова показанныя непристойныя слова, страх ево, Татищева, обуял, и как-де он, Татищев, из светлицы, в которой ему оной Давыдов показанные непристойные слова наедине говорил, вы-

шел, то, увидя ево, Татищева, доктор Грив спрашивал ево, Татищева, от чего он в лице изменился и не болен ли-де он, Татищев, на что он ему сказал: нешто-де ему, Татищеву, дикое есть, а что и от чего имянно, того не сказал, и в то время помянутой Давыдов, не говоря (*Л. 63 об.*) // ничего, пошел от него в квартиру свою и потом, как хотел он, Татищев, играть в шахматы и Белосельской-де, увидя, что он, Татищев, в сметении находитца, спросил ево, от чего так ему, Татищеву, приключилось, что не то все делает, и он-де, Татищев, оному Белосельскому сказал: «Вот-де твой дядюшка, Давыдов, нечто мне наврал, и ты поезжай домой, а к нему не езди», и Белосельской поехал к себе в квартиру, а ко оному Давыдову не ездил и у него не был, и после-де Белосельского стал он, Татищев, записывать о словах оного Давыдова, что и как от него он слышал, и тогда-де приехал к нему, Татищеву, полковник Андрей Змеев и начал ему, Татищеву, говорить, что-де «полковник Давыдов с ума что ли сошел, был у меня и наврал-де про Украину», и сказал ему, Татищеву, об оном таким образом, как оной Давыдов о том ему, Татищеву, говорил, о чем в записке ево, Татищева, показано имянно, но только ныне об оных словах, как говорены были, подлинно он, Татищев, объявить не упомнит, и он-де, Татищев, оному Змееву сказал, что ему, Татищеву, оной Давыдов и больше наврал, от чего-де с ума, он, Татищев, сходит и не знает, что делать, но токмо о непристойных оного Давыдова словах имянно оному Змееву он, Татищев, не сказал¹², и оной-де (*Л. 64*) // Змеев говорил ему, Татищеву: «Тебе-де не надобно, когда что противное от него, Давыдова, слышал терпеть, понеже-де уже здесь он, Давыдов, врет, а может-де и в других места будет что врать, а здесь-де многие ссылочные имеютца, то, услыша-де, о том как донесут, а Давыдов покажет, что и с тобою о том говорил, то можешь-де и с того пропасть, и для того-де надобно тебе писать, куда надлежит¹³, немедленно, понеже-де оной Давыдов полковник, и собою-де арестовать ево не можно», и он-де, Татищев, оному Змееву сказал, что он каковым образом в важных делах поступать имеет у себя имянной Ея императорского величества указ, и Змеев сказал: «Когда-де о том имянной указ имеешь, то поступай-де в том, как знаешь», однакож-де оного Давыдова в то время он, Татищев, не заарестовал, а для чего, о том он Ея императорскому величеству доношением своим доносил¹⁴.

3. Понеже ведали вы, что о имянных Ея императорского величества указах, не имея оного собою, употреблять никому не подобает, и дело немалое, то для чего помянутому Давыдову (*Л. 64 об.*) // объявить вы велели, что якобы по имянному Ея императорского величества указу повелено, его арестовав, и под караулом в Санкт-Питербурх прислать, не имея о том имянного Его величества указу, а особливо понеже и бес такого объявления он в важном деле, как от вас показано, приличился арестовать было его можно?

На 3-й. О таком немалом деле, что о имянных Ея императорского величестве указах, не имея оных, собою употреблять никому не подобает, хотя он, Татищев, и ведает, однакож помянутому Давыдову объявить он велел, чтоб якобы по имянному Ея императорского

величества указу повелено, его арестовав, и под караулом в Санкт-Петербург прислать, не имея о том имянного Ея императорского величества указу, и то-де он, Татищев, учинил того ради, чтоб оной Давыдов не дознался, для чего арестуетца, дабы не надумался в говоренных ему, Татищеву, словах к выкрутке себе что показывать, и для чего-де и прежде без объявления о имянном Ея императорского величества указе оного Давыдова он, Татищев, не арестовал, к тому же-де имеет он, Татищев, имянной Ея императорского величества указ, ежели кто прилучится в каковых важных делах, и таковых повелено ему розыскивать и писать к Ея императорскому величеству, почему и паче смелость он, Татищев, принел помянутому Давыдову арест объявить имянным Ея императорского величества указом.

4. Понеже оной Давыдов отправлен был для важных дел по собственному вашему, тайного советника, доношению, и велено ему к тому делу потребные ведомости и наставления требовать от вас, тайного советника, то какия имянно от вас ведомости и наставления и в какой силе ему даваны были?

На 4-й. Каковы по данному оному Давыдову из Сената инструкции принадлежали дать ведомости и наставления о том-де о всем ведомости и наставления от него, Татищева, оному Давыдову даны со всяким обстоятельством, как по оной инструкции принадлежало, токмо-де в какой имянно силе, того он, Татищев, ныне не упомнит.

(Л. 65) // 5. Когда вы, тайной советник, запотребно разсудили ево, Давыдова, за известную притчину арестовать, а дело для которого прислан он был, весьма важно было, то для следствия оного каковое определение вы учинили и в каком состоянии оное дело ныне находитца¹⁵?

На 5-й. Как помянутого Давыдова за известную ево притчину велел он, Татищев, арестовать, а о деле, для которого оной Давыдов прислан был, о надлежащем следствии каковое определение им, Татищевым, учинено и в каком состоянии оное дело ныне находитца, того он, Татищев, сказать не упомнит, только ко оному делу из имевшихся в команде ево, Татищева, штап-афицеров определить было невозможно, что все-де оные штап-офицеры Казанской губернии помещики, однако же-де сколько о новопоселенных деревнях уведано, о тех следовано и в Сенат писано.

6. Понеже оной Давыдов в важных непристойных словах, каковы от вас, тайного советника, на него показаны, не винитца и в том себя заклиняет и под смертною казнию подписался, то вы на обличение ему во оном какое доказательство приложить имеете и в чем в том ево уличить можете¹⁶?

На 6-й. Помянутой Давыдов важные непристойные слова, каковы он, Татищев, на него в посланной к Ея императорского величества при доношении записке своей объявил подлинно, ему, Татищеву, говорил, а запираетца-де оной Давыдов в том напрасно, а он, Татищев, доносил о том по присяжной своей должности, а сверх-де того (Л. 65 об.) // на обличение оному Давыдову, во оном доказательства никакого предложить он, Татищев, не имеет, и сверх же одного своего доношения обличить оного Давыдова в том другим ничем не может,

понеже показанные важные непристойные слова оной Давыдов ему, Татищеву, говорил один на один.

При сем ответствии помянутой Татищев объявил, что имеетца у него в квартире отпуск о арестовании вышеозначенного Давыдова и что оной пакет у него в Тайную канцелярию принят, которой пакет сего ж числа взят и при оном Татищеве распечатан. И по распечатании оной Татищев, смотря одного отпуска, сказал, что при том отпуске о непристойных словах одного Давыдова учиненной черновой записки не имеетца для того, что тое записку начерно писал он, Татищев, своею рукою, и как-де та записка набело переписана¹⁷, то черная, может, тогда ж им, Татищевым, изодрана, а другим-де никому той записки он, Татищев, никогда не показывал и словесно о показанных Давыдова непристойных словах никому он, Татищев, не сказывал.

(Л. 66) По окончании одного ответствия помянутому тайному советнику Татищеву указом Ея императорского величества объявлено, чтоб он о вышепоказанном важном деле и что во означенном своем ответе он показал, отнюдь ни с кем никогда разговоров не имел и ни чрез что о том никому не сообщал, а содержал бы об оном о всем секретно, как о том указы Ея императорского величества повелевают.

По всему тексту подписано: «К сему допросу тайный советник Василий Татищев руку приложил».

[РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 611. Л. 63–66].

Подлинник

№ 8. 1739 г., августа 23

Запись очной ставки В. Н. Татищева и С. Д. Давыдова

(Л. 68) // Августа 23-го сего 1739-го году в присутствии тайного действительного советника, и кавалера, и кабинет министра графа Андрея Ивановича Остермана, да генерала и кавалера лейб-гвардии Семеновского полку подполковника, и Ея императорского величества генерал-лейтенанта Андрея Ивановича Ушакова тайной советник Василей Татищев да содержащийся в Тайной канцелярии полковник Семен Давыдов представлены, и по показанию одного тайного советника в важных непристойных словах, которые как он, тайной советник, показывает, говорил оной Давыдов ему, тайному советнику, наедине, а Давыдов в том не винитца, дана им очная ставка.

А на очной ставке тайной советник Василей Татищев говорил: «В прошлом-де 738-м году октября 9-го числа, в бытность помянутого Давыдова в Самаре, как оной Давыдов, у него, тайного советника, был, и в то-де время между прочих происходимых от одного Давыдова разговоров, о которых в приложенной при доношении к Ея императорскому величеству записке показано имянно, оной (Л. 68 об.) // Давыдов «о том знаете ль-де для чего я сюда прислал», подлинно говорил, и ево,

тайного советника, в другую избу звал, и при том слова «такия я-де вам скажу» оной Давыдов говорил-де, и порутчика князь Михайла Белосельского за собою кликнул, и пришед они трое в другую избу, затворя двери, показанные в означенной записке слова оной Давыдов говорил подлинно, в чем он, Татищев, шлетца на оного Белосельского.

И как оной Белосельской вышел от них, тогда помянутой Давыдов наедине показанные в означенной же ево, тайного советника, записке важные непристойные слова, а имянно:^а

(Л. 70 об.) // Помянутой Давыдов ему, тайному советнику, подлинно говорил же наедине, и в том-де он, тайный советник, утверждаетца, что о вышеобъявленных о всех важных непристойных словах на оного Давыдова доносит он самую истину.

(Л. 70) // Семен Давыдов, выслушав означенного тайного советника Василья Татищева показание в очной с ним, тайным советником, ставке, утверждается во всем на прежних своих ответах: помянутого-де тайного советника в другую избу он, Давыдов, не вызывал, и князя Михайла Белосельского за собою не кликивал, и дверей не затворял, и слов таких, как оной советник, на него, Давыдова, показывает, он, Давыдов, при оном Белосельском не говаривал, в чем-де шлетца на оного Белосельского, також важных непристойных слов, о которых оной же, тайный советник, на него, Давыдова, показал, которые явствуют именно в вышеобъявленной оного тайного советника очной ставке, он, Давыдов, оному тайному советнику наодине и не при ком никогда подлинно не говаривал и от него, тайного советника, не слышал, и ни о чем о том он, Давыдов, не знает, а оной-де тайный советник показывает об оном о всем на него, Давыдова, ложно, по злобе, что о деревнях дал ему, Давыдову, непотребную ведомость, о чем оному тайному советнику он, Давыдов, спорил, о которой-де ево, тайного советника, на него, Давыдова, (Л. 70 об.) // злобе и сперва в Тайной канцелярии он, Давыдов, имянно, и об оном-де объявляет он, Давыдов, сущую правду и в том умереть рад.

Под текстом: «Полковник Семен Давыдов руку приложил».

[РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 611. Л. 68–70 об.].

Подлинник

№ 9. 1740 г., апреля 3

**Доклад А. И. Остермана и А. И. Ушакова
императрице Анне Иоанновне**

(Л. 218) // *Копия.* По наченшемуся в Тайной канцелярии чрез донос тайного советника Василья Татищева делу разсуждаетца, что оной Татищев на полковника Семена Давыдова показывает о некоторых важных злых непристойных словах, а Давыдов в том не винится, и от оного Татищева никакова свидетельства, кроме одного своего по-

казания, не объявлено, и при следствии в тех показанных злых словах не только одного Давыдова ничем не изобличил, но сам он, Татищев, показал, что и доказательства никакова предложить он не имеет, понеже те злые слова оной Давыдов якобы говорил ему наедине, и хотя некоторые слова, будто бы говоренные оным же Давыдовым, от него, Татищева, объявлены были, во свидетельство подполковник Останов, поручик Белосельской, однакож и оные объявили не против его, Татищева, общей ссылки, и по тому по содержанию изображенного в Уложение десятой главы сто шестьдесятый пункт во оном к правости следовать не может, и тако в важных злых словах, о которых оной Татищев показывает, что Давыдов говорил ему наодин, ко изысканию сущей правды, кроме наижесточайшего спросу, рознять другим нечем¹⁸. И ежели Ея императорского величества из высочайшаго своего милосердия в разсуждении обоих дряхлостей и слабостей от того их всемилостивейше освободить изволит, то останетца еще другой способ, чтоб в тех показанных важных злых словах клятвенною присягою себя очистить, и егда на то высочайшее Ея императорского величества соизволение будет, то по силе Уложения и Военного артикула оную клятвенную присягу учинить ответчику, а при учинении оной присудствовать Татищеву, (Л. 218 об.) // дабы он, когда Давыдов на такую клятвенную присягу поступит, сам того смотреть мог, а по учинении той присяги оной Давыдов уже от того останется свободен, а что тогда до Татищева принадлежит, то хотя в Уложение и в Военном артикуле и в высочайшем Ея императорского величества указе изображено, как с таковыми недоказательными поступать, однакож, понеже сие дело весьма сумнительное и тол[ь]ко на обоих их, Татищева и Давыдова, совести останетца, того ради о том всеподданнейше предается во всемилостивейшее Ея императорского величества милосердие и соизволение, яко оное уже дело далее исследовано быть не может и по учинению той клятвенной присяги неминуемому суду Божескому предается. На одного Давыдова сверх вышеимянованных важных и злых слов еще показаны другие продерзостные разговоры о состоявшемся в 736-м году указе о закладных деревнях, и о рушных закладах всемилостивейшим Ея императорского величества указе, и о Малой России, о чем по делу явственно имянно, а оной Давыдов, хотя во оных разговорах не винится, и свидетели о таких продерзостных о указе разговорах имянно не показали, однакож в других ево, Давыдова, разговорах о Малой России показывают, что ему говорить и разглашать весьма неподлежало, за которое также ему без достойного штрафа упущено быть не может, того ради разсуждается, чтоб вместо другога надлежащаго штрафа, в разсуждении глубочайшей ево старости и дряхлости, сослать ево, Давыдова, в дальние ево деревни, в которых жить ему до смерти своей никуда неисходно¹⁹.

У подлинного подписано тако: Андрей Остерман, Андрей Ушаков. Подписан апреля 3-го дня 1740-го году.

Комментарии

¹ Речь идет о законе, регулировавшем процедуру заклада недвижимости с целью предотвратить многочисленные злоупотребления в этой сфере [ПСЗ, т. 10, № 7339, с. 229–233].

² Действительно, в ходе Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. вся тяжесть содержания и снабжения русской армии легла на население Слободской Украины и Гетманщины. Всякие чрезвычайные сборы с украинского населения резко увеличились. Эти тяготы привели Украину почти к экономической катастрофе, массовому голоду и падежу скота, население страдало не только от постоев, но и от набегов крымских татар [Петрухинцев, с. 365–374].

³ Змеев Андрей Иванович (ум. 1742) – полковник, позже бригадир, первый комендант Ставрополя-на-Волге (с 1737 г.), способствовал переселению русских крестьян в окрестности Ставрополя-на-Волге (ныне Тольятти), основал там русско-калмыцкую школу и больницу.

⁴ Сомнительно, чтобы Бирон, тогдашний фаворит Анны Иоанновны, не знавший русского языка, мог понять разговоры проходивших мимо окна солдат, но суть состоит в том, что действительно появление фаворита-иностранца вызывало недовольство знати. Переезд двора мог быть связан с желанием Бирона увести государыню из Москвы.

⁵ Факт широко известный: после свержения Бирона в 1740 г. на следствии его пытались обвинить в том, что он удерживал при себе императрицу и увлек ее конными катаниями, что ускорило ее, страдавшую почечно-каменной болезнью, кончину [Дело о курляндском герцоге, с. 40].

⁶ Челобитчики подстерегали русских монархов в самых неожиданных местах, поскольку в народном сознании только верховный властитель мог помочь несчастному просителю.

⁷ Деревня Царевщина – ныне поселок городского типа Волжский Самарской обл.

⁸ Граф Салтыков Семён Андреевич (1672–1742) – генерал-аншеф, родственник императрицы Анны Иоанновны, в 1730-е гг. был длительное время одним из самых доверенных людей императрицы и фактически московским градоначальником.

⁹ Тевкелев Алексей Иванович (до принятия православия – Кутлу-Мухаммед Тевкелев, 1674–1766) – татарский мурза, полковник, выслужившийся позже до генерала, основатель Челябинска, один из самых жестоких карателей Башкирского восстания 1735–1740 гг. Подчиненный с 1737 г. В. Н. Татищеву, не был с ним дружен и писал на него доносы.

¹⁰ Давыдов был формально прав – его, штаб-офицера, посланного от Сената с важным государственным поручением, без специального указа верховной власти таким обманным способом арестовывать было нельзя. Татищев нарушил принятую процедуру задержания предполагаемого государственного преступника: обычно вначале посылался в столицу донос, затем следовало издание указа об аресте и конвоировании задержанного, и для этого посылался порученец, обычно гвардейский офицер. При рассмотрении дела в Тайной канцелярии Татищеву было указано на нарушение принятого порядка ведения дела о государственном преступлении. Но Давыдов, застигнутый врасплох, подчинился, тем более что он находился в расположении Оренбургской экспедиции, управляющий ко-

торой (Татищев) явно обладал большими полномочиями, чем обычный губернатор, на что он и ссылался в Тайной канцелярии. Подробнее см.: [Анисимов, с. 219–245].

¹¹ Тевкелев имел не дошедший до нас ордер Татищева и действовал согласно ему. Внезапный арест, обыск, изъятие документов, конфискация оружия, пресечение возможных попыток бегства или самоубийства – все это предусматривалось при аресте государственного преступника.

¹² Опытный Татищев показывает, что сказанные ему Давыдовым «злые, непристойные слова», согласно закону, оглашать никому, кроме служащих политического сыска, категорически не разрешалось. Их последующее повторение приравнивалось к преступлению.

¹³ Эвфемизм, обозначавший в то время органы политического сыска.

¹⁴ Ключевой момент всего дела: Змеев указал Татищеву на реальную опасность, которая грозила человеку, слышавшему «непристойные слова», быть обвиненным в недонесении, что приравнивалось к государственному преступлению. Логика рассуждений обоих была такова: если Давыдов уже повторил «злые слова» дружески настроенному к Татищеву Змееву (который, в принципе, уже мог, не сообщая об этом Татищеву, донести властям о сказанном Давыдовым и, тем самым, «подвести под монастырь» своего начальника), то совсем другое дело, когда эти же слова от Давыдова могли услышать сосланные в эти места государственные и уголовные преступники. Они, рассчитывая на обещанную государством за донос награду – освобождение от ссылки, непременно написали бы «куда надо». Не исключено, что Татищев боялся и провокации со стороны присланного из Петербурга Давыдова. Следовательно, Татищеву надлежало донести как можно скорее, с тем, чтобы опередить возможных доносчиков на Давыдова (и одновременно на него, Татищева, как на недонесителя). Никакой альтернативы слышавшему «непристойные слова» государство не оставляло. Более того, на следствии Ушаков упрекнул Татищева, что тот не арестовал Давыдова сразу (см. п. 2 док. № 7). Татищев объяснял свою инертность растерянностью, что весьма правдоподобно. В ответе Татищева на этот пункт ярко отображены чувства, которые владела человеком, услышавшим «непристойные слова»: сомнения, смятение, страх, необходимость срочнейшим образом решить страшную дилемму – или «душу бессмертную иудиним грехом погубить», или Родине изменить. Однако сомнения тут не допускались: обязанность доносить в подобных случаях входила во все присяги служивых, и Татищев должен был это сделать, причем закон отпуская на донос не более трех суток. Подробнее см.: [Анисимов, с. 150–163].

¹⁵ Этот пункт, как и первый, демонстрирует явное недовольство следователей (и, соответственно, стоящих за их спиной Бирона и Анны Иоанновны) Татищевым. Его фактически обвиняли в срыве важного государственного поручения, которое должен был выполнить Давыдов. Но материалы расследований в Тайной канцелярии показывают, что каким бы ни было поручение чиновнику, проблема госбезопасности неизменно оставалась важнее всех текущих дел, так что доносчик почти всегда получал одобрение и награду.

¹⁶ Давыдов, допрошенный в Тайной канцелярии до Татищева, все отрицал. Не показали в пользу доносчика свидетели по делу Останков и Белосельский (родственник Давыдова).

¹⁷ Донос Татищева и другие документы по делу написаны писарской рукой, и это также являлось нарушением законодательства, так как означало разглашение донощиком Татищевым «непристойных слов» Давыдова. Но на это следствие внимания не обратило.

¹⁸ Согласно ст. 160 гл. 10 Соборного уложения 1649 г. следовало, что если свидетели, указанные доносчиком, не подтвердят доноса, то надлежит «...его тем обвинить, по тому, что он на тех людей сам слася из воли, а они сказали не против его ссылки» [Соборное уложение, с. 48]. Это означало переход процесса на следующую стадию, называемую «наижесточайшим расследованием», то есть расследованием с помощью пытки. Ей подвергался в первую очередь сам доносчик, не сумевший с помощью свидетелей «довести донос». Теперь пытка грозила Татищеву. В случае подтверждения доносчиком своего доноса, как тогда писали, «кровью», на дыбу поднимали ответчика, то есть Давыдова. Однако составлявшие доклад А. И. Остерман и А. И. Ушаков не решились следовать букве закона, учитывая физическое состояние подсудимых и исходя, по-видимому, из каких-то иных соображений. Они предложили императрице применить более мягкий вариант продолжения расследования и, соответственно, завершения дела – «клятвенную присягу», то есть клятву ответчика на кресте и Евангелии в церкви. Для верующего человека это было серьезное испытание, однако подавляющее большинство присягавших предпочитали выбрать клятвопреступление и подвергнуться каре небесной на том свете за ложь, произнесенную перед Богом, чем признать свою вину на этом свете, ибо это означало вынесение самому себе обвинительного приговора, пытку и казнь. Именно поэтому церковная клятва применялась крайне редко [Анисимов, с. 365].

¹⁹ Из доклада Остермана и Ушакова следовало, что они были уверены: Давыдов несомненно пойдет на клятвопреступление, хотя по другим данным дела его вина очевидна. Поэтому они предложили – вне зависимости от результата клятвы – все же сослать его в дальние деревни – наказание по тем временам весьма мягкое. В итоге дело формально закрывалось, но Татищев оказывался в подвешенном состоянии – по делу о доносе следовало, что он «не довел донос», то есть не доказал вину Давыдова и, тем самым, оказался лжедонщиком, что также являлось тяжким государственным преступлением, подлежащим по закону пытке и казни. Но пытать Татищева власти не стали, оставив про запас это «отложенное наказание». На Татищева было прислано немало доносов с обвинениями в злоупотреблениях по службе, и Тайная канцелярия только начинала с ними свою работу: отстраненного от должностей и посаженного под домашний арест Татищева начали регулярно привозить в Тайную канцелярию, где он и стал давать показания по заведенным на него делам. Постепенно положение Татищева приняло угрожающий характер, и если бы не начавшиеся с осени 1740 г. перемены при дворе, ему было бы несдобровать.

Список литературы

- Анисимов Е. В. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М. : Новое лит. обозрение, 1999. 719 с.
[Б. а.]. Егор Столетов. 1716–1736 гг. : Рассказ из истории Тайной канцелярии // Рус. старина. 1873. Вып. 8. С. 1–27.

Библиографическая справка о В. Н. Татищеве // Либмонстр : [сайт]. URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/> (дата обращения: 24.12.2018).

Дело о курляндском герцоге Эрнсте Иоанне Бироне : Сообщил П. К. Щебальский // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1862. Кн. 1. Смес. С. 1–122.

Каменский А. Б. «Под сению Екатерины» : Вторая половина XVIII века. СПб. : Лениздат, 1992. 448 с.

Петрухинцев Н. Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М. : РОССПЭН, 2014. 1064 с.

Попов Н. [А.]. В. Н. Татищев и его время. М. : Тип. В. Грачева и К°, 1861. 807 с.

Правила издания исторических документов в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Глав. архив. упр. при СМ СССР, 1990. 83 с.

ПСЗ. Собрание первое. Т. 10. 990 с.

РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 611.

Соборное уложение 1649 года : Текст. Комментарии / под ред. А. Г. Манькова. СПб. : Наука, 1987. 448 с.

Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М. : Наука, 1985. 367 с.

References

Anisimov, E. V. (1999). *Dyba i knut: politicheskii sysk i russkoe obshchestvo v XVIII veke* [The Rack and the Whip. Political Intelligence and Russian Society in the 18th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 719 p.

[Unknown author]. (1873). Egor Stoletov. 1716–1736 gg. Rasskaz iz istorii Tainoi Kantselyarii [Yegor Stoletov. 1716–1736. A Story from the History of the Secret Office]. In *Russkaya starina*. Iss. 8, pp. 1–27.

Библиографическая справка о В. Н. Татищеве [Bibliographical Note on V. N. Tatishchev]. (N. d.). In *Libmonster* [site]. URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/> (mode of access: 24.12.2018).

Delo o Kurlyandskom gertsoge Ernste Ioanne Birone. Soobshchil P. K. Shchebal'skii [The Case of the Duke of Courland Ernst Johann Biron. Reported by P. K. Shchebalsky]. (1862). In *Chteniya v imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete*. Book 1. Smes', pp. 1–122.

Kamensky, A. B. (1992). “*Pod seniyu Ekateriny*”. *Vtoraya polovina XVIII veka* [In the Shadow of Catherine. The Second Half of the 18th Century]. St Petersburg, Lenizdat. 448 p.

Man'kov, A. G. (Ed.). (1987). *Sobornoe ulozhenie 1649 goda. Tekst. Kommentarii* [The Law Code of 1649. Text. Comments]. St Petersburg, Nauka. 448 p.

Petrukhintsev, N. N. (2014). *Vnutrennyaya politika Anny Ioannovny (1730–1740)* [Anna Ivanovna's Internal Policy (1730–1740)]. Moscow, ROSSPEN. 1064 p.

Popov, N. [A.]. (1861). *V. N. Tatishchev i ego vremya* [V. N. Tatishchev and His Time]. Moscow, Tipografiya V. Gracheva i Co. 807 p.

Pravila izdaniya istoricheskikh dokumentov v SSSR [Publication Rules for Historical Documents in the USSR]. (1990). 2 Ed., Add. and Moscow, Glavnoe arkhivnoe upravlenie pri Sovete ministrov SSSR. 83 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. *Sobranie pervoe*. Vol. 10.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 7. List 1. Dos. 611.

Jucht, A. I. (1985). *Gosudarstvennaya deyatel'nost' V. N. Tatishcheva v 20-kh – nachale 30-kh godov XVIII v.* [State Activity of V. N. Tatishchev in the 1720s – 1730s]. Moscow, Nauka. 367 p.

The article was submitted on 11.01.1019